

Вариантность диалектной лексики и этимология*

Тема настоящей работы стимулирована вышедшим в свет в 2013 г. «Словарем экстенциальных лексических единиц в русских говорах» Л. П. Михайловой (Петрозаводск; Москва, 2013). Необходимо, вероятно, пояснить, что под экстенциальностью лексических единиц автор, вслед за Г. П. Мельниковым, понимает особенности внешнего облика лексических единиц, обусловленные влиянием неславянских иноструктурных языков (следовательно, для вариантов предполагается обязательным генетическое тождество). Иноязычным влиянием автор объясняет значительный массив вариантов форм русской диалектной лексики различных регионов. Общую характеристику и некоторые критические замечания по поводу этого словаря я высказала уже в рецензии, опубликованной в журнале «Русский язык в научном освещении» № 1 (29) за 2015 г. (Варбот 2015). Не буду останавливаться на правомерности отнесения всех охваченных словарем изменений на счет иноязычного влияния, и возвращаюсь я сейчас не столько к принципам словаря, сколько к его материалам и оценке их с точки зрения реальности и диахронической/синхронной природы вариантности форм в лексике.

Начнем с вопроса о реальности вариантных отношений. При всей семантической и некоторой формальной близости, многие пары слов не могут толковаться как таковые, будучи генетически неродственными. См. *рухляный* 'ветхий', которое связывается с *трухлявый* (при существовании корней **ruh-* и **trux-*), *отреби* 'отходы от трепания льна' / *отрепи* 'то же' (ср. глаголы *теребить* и *трепать*), *бодучий* и *ботучий* (ср. *бодать* и *ботать*), *засуборивать* и *засуворивать* 'стягивая чем-н., завязывать' (ср. *сборки*, от **bьrati*, и *сворка*, от **verti*). Наконец, индоевропейские истоки имеет синонимия двух родственных, но разошедшихся структурно основ, давших русские (со славянским родством) глаголы *ощеуличать* и *ощеурничать* 'насмехаться' < и.-е. **skeul-* и **skeur-* (см. Варбот 2001: 8). Бесспорна ошибочность сближений: *лещотка* и *клещи*, *окреять* и *оклеять*, *лукаться* 'бродить' и *блукать*, *лынять* (от *лытать*) и *блынь*, *калякать* и *блякать*, *колча* и *кочка*, *заук* 'промежуток' (от праслав. **-okъ* 'крюк') и *зауло* (здесь и ниже диалектные варианты взяты из словаря Михайлова 2013, если не указаны другие источники).

* Статья написана при реализации проекта «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы», поддержанного грантом РФФИ № 15-04-00072.

Некоторые сопоставления представляются весьма спорными. См. *тáлкуша* ‘коллективная помощь в сельской работе’ и *толока* ‘то же’, при наличии *толкуша* ‘вид пляски’. Скорее здесь представлена контаминация производных от разных праслав. корней: **tylk-* ‘толочь’ и **telk-* ‘говорить’.

Интересна пара *глодаться* ‘браниться’ и *оголодаться* ‘то же’: при вероятности фонетического изменения (вторичное полногласие) этот случай обнаруживает возможность появления вторичных семантических сближений слов разного происхождения (от **glod-* и **gold-*).

Все перечисленные случаи должны быть исключены из рассмотрения проблемы вариантности. Остается спорной правомерность отнесения к вариантности также отношений внутри лексических псевдо-пар, созданных действием народной этимологии. Такова природа слов *окрючина* (< *уключина*), *боярковый* (< *поярковый*), *закорм* (< *закром*), *клицо* (< *крыльцо*), *металь* (< *медаль*), *мукашка* (< *букашка*), *провулка* (< *прогулка*). Есть случаи, объясняющиеся наложением народной этимологии на фонетические изменения: *воротынь* ‘сосуд для разлива пива’ < *боратынь*, *боротынь* < *братина*.

Вариантность форм — почти общая характерная черта, сближающая язык с природой и обществом. Исследования в различных отраслях науки обнаружили органическую связь явления вариантности с развитием соответствующих объектов и явлений. В связи с этим представляется неизбежным вопрос о временных соотношениях вариантов: диахронических или синхронных. Временной тип соотношений вариантов определяет последующее развитие — поступательное или параллельное. В отношении вариантов форм лексики это означает разграничение диахронических связей внутри каждой группы вариантов и синхронных связей.

Из областей лексикологии это разграничение представляет наибольший интерес для диалектологии, лингвогеографии и этимологии.

Следует еще учесть, что все отношения вариантов автор словаря представляет схематически только как перемещение, присоединение/утрату начальных гласных/согласных, отпадение конечных согласных (т. е. те явления, которые подпадают в лингвистике под термины «метатеза», «апокопа», «аффераза», «синкопа» и др.), мену согласных, а в области вокализма это почти исключительно удлинение гласных. Соответственно все это, независимо от авторского толкования, может быть отнесено к диахронической по природе вариантности. Действительно, диахронической должна быть признана природа вариантности типа *прасека* (< *просека*), *дуванчик* (< *одуванчик*), *вежесать* (< *свежесать*), *бородить* (< *бродить*), *кормушка* (< *кромушка* ‘кусочек хлеба’), *лядеть* (< *глядеть*).

Аналогичным образом автор описывает отношения явно исконно русские, объясняющиеся обобщением позиционных чередований: *логоть* (< *локоть*), *лошечка* (< *ложечка*). К сожалению, автор дает, как правило, парные связи, хотя многие могли бы быть на основании того же материала продолжены в целые цепи, как *окша* 'левша' < *покша* < *пакша* (следовало завершить исходным *пакиша*). См. *ломени* < *оломедни* (нет завершения *ономедни*), *парсук* < *прасук* (без исходного *поросук*); разбросаны по парным связям многоступенчатые преобразования *заль* < *взаволь* < *возаболь* < *обзаболь* без завершения исходным < *взабыль* 'на самом деле, в действительности' (Варбот 2003: 53).

От явлений фонетических автор принципиально не отличает словообразовательные отношения (также диахронические по природе) типа *лучаться/случаться* (вариант *лучаться* как первичный подтверждается чеш. *loučiti se*), *волнухи/волнушки*, *дирать/сдирать*. Сюда же можно отнести предполагаемому автором вариантность *заглуха/заглухменье*.

Генетическую синхронность можно предполагать для небольшого количества пар, являющихся словообразовательными вариантами. См. *опроворить/спроворить*, *оглазить/сглазить*, *израстать/вырастать/взрастать*, *наболокчи/оволокчи*, и, возможно, *подволока/подболока* 'чердак' (здесь вероятны параллельные производящие основы волока и оболочка).

Таким образом, материалы рассматриваемого словаря свидетельствуют о преобладании в диалектной лексике диахронических преобразований над синхронными, следовательно, о большей возможности поступательных изменений.

В заключение приведу два случая возможности использования материалов словаря для обоснования этимологических версий.

В говорах и фольклоре известна многоступенчатая вариантность форм, обозначающих ветви, сучья, ответвления, коряги, корни, ростки и под.: *короколь*, *краколь*, *караколь*, *каракаль*, *каракал*. Учитывая вероятность вариантности суффиксов *-ол/-ул*, можно истолковать как член этой вариантной группы также русск. *каракуля*, поскольку старорусские фиксации семантики 'кривое дерево, инструменты с раздвоенным или искривленным концом, железные рогульки с шипами (в войне против конницы)' (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 72) очевидно сближают *каракуля* с *караколь/короколь*. В отличие от *караколь*, русск. *каракуля* имеет соответствия по суффиксу в других славянских языках, но форма корня в этих соответствиях предполагает исходное праслав. **kъrk-*: серб.-хорв. *kъркуља* 'деревянные вилы, которыми поддерживается мельничный жернов при сьеме', польск. диал. производное *karkulica* 'палка с загнутой рукояткой', словин. *kark'ulëca* 'толстая суковатая палка', укр.

диал. *каракуля* ‘кривой лес’ (ЭССЯ 13: 217). Для вост.-слав. *каракуля* при таких соответствиях предполагается вторичное полногласие (ЭССЯ 13: 218). Если принять родство вариантного ряда *караколь / краколь / короколь* с *каракуля*, то исходным этапом вариантного корневого вокализма в *караколь / краколь / короколь* следует считать (при основе **kerk-*) вторичное полногласие, с последующим преобразованием его в неполногласие *oro > pa* и *apa*. Для корня *каракуля* наиболее авторитетной этимологической версией признается производность от праслав. **kьrk-* ‘шея’ (ЭССЯ 13: 218). Однако, при учете семантики искривленного предмета, объединяющей всю рассматриваемую лексическую группу, более вероятной производящей основой для нее представляется глагольное гнездо **kьrċiti* ‘сгибать’ (принадлежность к этому гнезду праслав. **kьrk-* ‘шея’ является самостоятельной проблемой).

Второй случай — этимология названия растения *зверобой*. С ориентацией на блр. *дзіробой* и укр. *діробій*, предполагают и в русском слове сложение с обозначением дыры в первой части с последующим преобразованием по народной этимологии, с неясной, однако, мотивацией (Фасмер II: 87). Но польск. соответствие *dziurawiec* (Warsz. I: 660; приведенная в Фасмер II: 87 форма *dziurowiec* не подтверждается источниками) вполне определенно образовано от прилагательного *dziurawy* ‘дырявый’, что позволяет предполагать для украинской и белорусской форм первичность структуры субстантивированного прилагательного **diravъjъ* ‘дырявый, продырявленный’. Название растения в форме субстантивированного прилагательного с конечным *-ой*, но уже с преобразованным народной этимологией корнем засвидетельствовано в русском (вятском) говоре: *зверовѡй* (СРНГ 11, 217). Преобразование *-дыр- / -дир-* в *звер-* произошло еще на стадии прилагательного, и оно могло быть мотивировано характерной для *звер-* семантикой крепости и силы, поскольку растение широко применяется как действенное средство от различных болезней. Изменение конца прилагательного *-воѡй > -боѡй* в таком случае является вторым этапом народно-этимологического преобразования.

Литература

- Варбот 2001 — Варбот Ж. Ж. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 3–8.
- Варбот 2003 — Варбот Ж. Ж. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 49–62.

- Варбот 2015 — *Варбот Ж. Ж.* Л. П. Михайлова. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск — М.: Издательство КГПУ, 2013. — 349 с. // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 283–286.
- Михайлова 2013 — *Михайлова Л. П.* Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; Москва, 2013.
- СлРЯ XI–XVII вв. 7 — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред Ф. П. Филин. М., 1980. Вып. 7.
- СРНГ 11 — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1976. Вып. 11.
- Фасмер П — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1967. Т. II.
- ЭССЯ 13 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1987. Вып. 13.
- Warsz. I — Słownik języka polskiego / Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Warszawa, 1952. Т. I (wydanie fotooffset.).

Summary

Žanna Varbot

Variation in dialectal lexis and etymology

The article looks at the problem of variation in dialectal lexis applying the data of *The Dictionary of extensional lexical units in Russian dialects* which contains many dialectal words with probable phonetic / structural variants. Two aspects of the problem are essential for etymology: reality (= genetic identity) of probable variation relations and its diachronic/synchronic formation. The analysis shows that some variation groups found in the dictionary do not have a genetic identity. Most of retained groups are diachronic formations. Based on the variants, new etymological interpretations are proposed for two Russian words: *ко-роколь* ‘bended bough, tool’ (as derivate of **кърк*- ‘bend’) and *зверобой* ‘Hypericum perforatum’ (as **дыравъжь* ‘full of holes’ > **дыравой* > *зверовой* > *зверобой*).